

ОТ МЕТАФИЗИКИ ВСЕЕДИНСТВА К ГЛОБАЛЬНОМУ ЭВОЛЮЦИОНИЗМУ

И.В. Фотиева

В настоящее время все более отчетливо вырисовываются контуры новой, формирующейся на наших глазах единой картины мира. Причем, показательно, что в этой новой картине мира мы возвращаемся к идеям, принципам и методам, которые, как одно время казалось, окончательно стали достоянием истории философии.

Прежде всего, к ним надо отнести древнейший принцип единства мира. Как известно, он одним из первых подвергся критике, а к концу минувшего века его «устарелость» для многих стала чуть ли не аксиомой. «Классические философские системы, основанные на систематическом миропонимании, были популярны в Европе до середины XIX века. Целью подобных концепций было стремление рассмотреть мир в его единстве... В эпоху информационной цивилизации значимость подобных схем все более ограничивается кругом профессионалов. Дело в том, что мир оказался многообразным, требующим множества систем миропонимания и мироотношения.... Единый мир различен в самом себе, неоднороден, дискретен, противоречив... Сама философия... превращается в некое творчество» [1].

Но при пристальном рассмотрении данные аргументы выглядят более чем спорными, особенно ссылка на «эпоху информационной цивилизации», то есть на современность. Еще Толстой писал в «Войне и мире», что больше всего любят говорить о современности ограниченные люди: для того, чтобы охватить взглядом всю панораму истории и увидеть современность только как ее часть, со всеми ее открытиями, отклонениями, заблуждениями, нужно обладать широким, синтетическим мышлением. Поэтому из того, что мир «оказался» многообразным, неоднородным и противоречивым, совсем не следует необходимость «множества систем миропонимания»: история дает нам достаточно примеров выдающихся личностей, чувствующих, интуитивно постигающих и обосновывающих это Единство. И среди них с полным правом можно назвать В. Соловьева.

Его «метафизика всеединства» стала тем корнем, из которого выросло и продолжает расти мощное дерево нового, синтети-

ческого, целостного мышления, нового охвата мира, во всех его сложных взаимосвязях. Прямым продолжением соловьевских идей стала русская философия XX века, в особенности, русский космизм, который современные авторы признают прямым предшественником парадигмы глобального эволюционизма. Как пишет И.В. Черникова, «...на основе идеи глобального эволюционизма, одной из важнейших универсалий современной культуры, создается образ Универсума как эволюционно связанной целостности, как единого мирового процесса, в котором человек является не случайным продуктом космогенеза, а его неотъемлемой составляющей. Являясь существом разумным, Человек несет ответственность за эволюцию, выполняя функции ее самосознания... Идеи всеединства и глобальной эволюции хотя и различны, но воспринимаются как звучащие в одной тональности. Они формировались в разных контекстах, одна - в религиозно-философском, другая - в контексте естествознания. Однако, во многом благодаря русскому космизму, стало возможным прозрение современной науки о взаимной связи мира и человека, где на основе идеи глобального эволюционизма не только человек осознается как органическая часть мира, но и по-новому видится сам мир - мир "по человеку"» [2].

Поэтому не случайно параллельно «дифференцирующим» тенденциям, еще в полной мере сохраняющимся в настоящее время, идут и другие процессы. Растет число ученых, философов, возвращающихся к принципу единства мира и, соответственно, к классическому идеалу единого познания. Как сказал Флоренский, «...если есть единство жизни, то есть и единство познания» [3]. Это проявляется и в настойчивом «философствовании» представителей естественных наук, и во все большем осознании ими ответственности за результаты исследований, а значит, к преодолению противопоставления «суждений факта» и «суждений ценности». Дилемма естественнонаучное - гуманитарное знание начинает постепенно утрачивать свою актуальность. Можно вспомнить К. Лоренца: «Надо пробить стену между естественными и гуманитарными науками в том месте, где ее

защищают с обеих сторон: естествоиспытатели, как известно, воздерживаются от любых ценностных суждений, тогда как, с другой стороны, гуманитарные ученые во всех ценностных вопросах философии находятся под сильным влиянием ... мнения, будто бы все, объясняемое естественнонаучным путем *ipso facto* должно быть безразлично к ценностям» [4].

В то же время надо напомнить о другом, параллельном и очень распространенном варианте «объединения» научной и гуманитарной мысли, «природы и культуры», основанном на постмодернистской традиции. Здесь постулируется не синтез, а ломка границ между культурой и природой. Так, в статье М. Бертильссон анализируются работы современных социологов постмодернистского направления, в частности. Б. Латура, с точки зрения которого «категории социального нет как таковой», и речь идет о том, чтобы практикой «пересечения границ» поставить в «широкий контекст перемоделирования человеческого и природного ландшафта, вызванного прогрессом биологии». Сама автор также отчасти склоняется, хоть и с оговорками, к этой позиции. Она пишет: «С точки зрения микробиологии нет смысла считать индивида "природным целым". Индивид ... это агрегат, собранный из крупных микробиологических координирующих практик» [5]. Правда, она признает, что необходимо определить «приемлемые социо-природные практики» в силу возможности их бесконтрольного использования. Тем не менее, по ее мнению, «глобальная экономика и глобальная культура ... переписывает понятие социального, поскольку индивиды - лишь поверхностные структуры гораздо более сложных генетических процессов, границы которых далеко за пределами отдельного тела. Гены - коллективные ресурсы большой силы влияния на здоровье людей и их желания... Современная биология переписала социальное ...» [6]. Этот подход является, как подчеркивает автор, реакцией на «Великое Противостояние»

культуры и природы, жестко заложенное в модернистской традиции. Но «преодоление» этого противостояния здесь, во-первых, идет по линии отрицания фундаментальности мировых законов, будь то законы божественные или природные; во-вторых, опирается на крайне механистическое миропонимание, «деструктивность» как принцип, позволяющий разобрать себя и мир как конструктор и сложить заново, подчиняясь мимолетной прихоти; в-третьих, зиждется на отсутствии смысла личного и общественного бытия. И не случайно автор упомянутой статьи признает, что «природа осталась непредсказуемой. Она разверзается "природными катастрофами": землетрясения, пожары, молнии, наводнения... Природа мстит в форме рисков и опасностей» [7].

На этом фоне еще ярче высвечивается ценность и актуальность идей наших великих соотечественников, и, прежде всего В. Соловьева, опередивших свое время и заложивших основы миропонимания новой эпохи, - единого и целостного, при всей своей многоплановости и сложности.

Литература

1. Основы философских знаний. Учебник для высших учебных заведений. - СПб., 2002. С.108-109.
2. Черникова И.В. Идея глобального эволюционизма как основы метафизики гармоничного космоса // Материалы III Межд. конференции "Алтай - Космос - Микрокосм". - Барнаул, 1995. С. 36-37.
3. Флоренский П.А. Об историческом познании // Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. - М., 1998. - Т.4. - С.47.
4. Лоренц К. Обратная сторона зеркала // Обратная сторона зеркала. - М., 1998. С.260.
5. Бертильссон М. Второе рождение природы: последствия для категории «социальное» // Социс. 2002. - № 9. - С. 119-120.
6. Там же, С. 120.
7. Там же, С. 122.